

Илья В. Пресняков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы,  
Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-7087-637X

## Макс Вебер о «свободе от оценки» и «трезвости суждений»: от моральной силы университетов к силе «личности»

doi: 10.22394/2074-0492-2021-4-217-236

*Резюме:*

Настоящая статья посвящена категориям «свободы от оценки» и «трезвости суждений» в теории Макса Вебера. Автор исследует их в трех контекстах: как логический принцип науки, как позицию Вебера в дебатах об университетской политике и как составляющие его концепций «личности» и «ведения жизни». Показано, что принцип «свободы» как логическое требование является необходимым, но недостаточным условием объективности социальных наук. Его цель — разделение гетерогенных сфер фактов и практических суждений, однако для реализации этого разделения в исследовательской практике нельзя обойтись без других элементов логико-методического арсенала Вебера: ценностной интерпретации и номологического знания. В то же время внутреннее устройство идеальных типов оказывается недостаточно для сохранения объективности суждений, если они превращаются в логически совершенные, но все же практические «образцы». Поэтому требование «свободы от оценки» и личная готовность ученых следовать исключительно ценностям науки вновь становятся необходимыми и функционально значимыми. С точки зрения университетской политики, отсутствие самоконтроля ученых в оценках подрывает моральную силу образовательных учреждений и единство университетской системы.

217

---

Пресняков Илья Валерьевич — магистр социологии (The University of Manchester/МВШСЭН), младший научный сотрудник, Центр социологических исследований, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Научные интересы: история классической социологии. E-mail: presnyakoviliaval@gmail.com

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Acknowledgements: The present paper was prepared as part of the research work within the state assignment of the RANEPА.

Поэтому воздержанность в практическом оценивании становится для Вебера инструментом для пересборки конструкции «академической свободы», предложенной Карлом фон Амрой. Одновременно «свобода от оценки» является условием независимости и достоинства ученых как «личностей» в науке. Более того, отсутствие «трезвости суждений» и неспособность осознанно служить выбранному делу представляет, по мнению Вебера, угрозу последовательному «ведению жизни» современного человека в целом. Автор делает вывод, что участие молодого Вебера в организации курсов в 1893 г. по качественной теоретической подготовке священнослужителей можно рассматривать как один из первых шагов ученого в постановке проблем «трезвости суждений» и рационального «ведения жизни». В данном случае — ученых и духовенства. Представленный в настоящем номере перевод небольшой веберовской газетной заметки о предстоящих занятиях, таким образом, расширяет набор традиционных веберовских текстов на русском языке, касающихся вопросов «свободы от оценки» и «трезвости суждений».

*Ключевые слова:* Макс Вебер, свобода от оценки, трезвость суждений, академическая свобода, университетская политика, личность, ведение жизни

218

Ilya V. Presnyakov<sup>1</sup>

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

### **Max Weber on “Freedom from Value Judgments” and “Sobriety of Judgment”: From the Moral Strength of Universities to the Strength of “Personality”**

*Abstract:*

Present paper is dedicated to categories of “freedom from value judgments” and “sobriety of judgment” in Max Weber’s theory. The author examines them in three contexts: as a logical principle of science, as Weber’s position in university politics, and as elements of his conceptions of “personality” and “life conduct”. The author shows that the principle of “freedom” as a logical requirement is a necessary but insufficient condition for objectivity in social sciences. In actuality, it aims to separate the heterogeneous spheres of facts and practical judgments. However, an implementation of this separation in research practice cannot be realized without other elements of Weber’s logical-methodological arsenal: value interpretation and nomological knowledge. At the same time, the internal structure of ideal types turns out to be insufficient to preserve the objectivity of judgments, if they turn into logically perfect, but still practical “samples”. Therefore, the demand

---

1 Presnyakov Ilya — MA in Sociology (The University of Manchester/MSSSES), Junior Researcher, Center of Sociological Research, School of Public Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Research interests: history of classical sociology. E-mail: presnyakoviliaval@gmail.com

for “freedom from value judgments” and the personal readiness of scientists to follow exclusively the values of science again becomes necessary and functionally significant. In the context of university politics, the lack of academic self-control in evaluations undermines the moral strength of educational institutions and the unity of the university system. That is why abstinence in practical evaluations becomes a tool for Weber to reassemble the construction of “academic freedom” proposed by Karl von Amira. At the same time, “freedom from value judgments” is a condition for the independence and dignity of scientists as “personalities” in science. Moreover, the lack of a “sobriety of judgment” and the inability to consciously serve the chosen matter is a threat, according to Weber, to the consistent “life conduct” of the modern person. The author concludes that the participation of a young Weber in the organization of courses in 1893 dedicated to the high-quality theoretical training of clergy can be considered as one of his first steps in posing the problems of the “sobriety of judgment” and rational “life conduct” — in this case, of scientists and the clergy. The translation of Weber’s small newspaper article about the upcoming courses, presented in the present issue of “Sociology of Power”, thus expands the conventional and common set of Weber’s texts concerning the problems of “freedom from value judgments” and “sobriety of judgment”.

*Keywords:* Max Weber, freedom from value judgments, sobriety of judgment, academic freedom, university politics, personality, life conduct

«... для науки принципиальное самосознание основы, на которой она покоится, — это не роскошь или необязательное добавление, а интегрирующая часть ее ответственного действия...» [Фрайер 2021: 292].

## Введение

**К**аждый, кто принимался за изучение — пусть даже скорое и поверхностное — творчества М. Вебера, неизбежно сталкивался с одним из принципов его «наукоучения» — требованием «свободы от ценностных суждений» в науке и преподавании<sup>1</sup>. Действительно, во всех текстах ученого, которые условно можно назвать «методологическими»<sup>2</sup>, он настойчиво напоминает о различии между фак-

1 Мы пишем об этих видах академической активности в связке намеренно. Выделять две разные «свободы» для науки и преподавания в веберовской перспективе было бы неверно. Хотя бы потому, что сам Вебер в пояснительной статье, посвященной Второй конференции немецких преподавателей высших учебных заведений, требует признать неудовлетворительным состояние «свободы науки и обучения» в Германии [Weber 2008g: 67].

2 О конвенциональном характере и трудностях, следующих из такого названия, см., например, [Филиппов 2020: 168]. К «методологическим» работам Вебера мы относим, прежде всего, эссе об «Объективности» (1904 г.), три-

тами и отношением к ним, между «мысленным упорядочением» действительности и попыткой «утвердить свои оценочные суждения вовне» [Вебер 1990с: 351]. Не удивительно поэтому, что «свобода от оценок» практически всегда оказывается в поле зрения тех, кто пытается описать устройство веберовской исследовательской «программы»<sup>1</sup>. Так, например, после смерти Вебера, на траурном заседании 17 июля 1920 г., К. Ясперс подчеркивал, что «в свободном от оценки познании он (Вебер — прим. авт.) видел цель науки» [Ясперс 1994: 557]. Позже, на сессии немецких социологов 1964 года, организованной по случаю столетия со дня рождения Вебера, Т. Парсонс охарактеризовал свободу от оценочных суждений как «фундамент всей веберовской позиции» и условие «концептуальной ясности, последовательности..., эмпирической точности и проверяемости» научных исследований [Parsons 1965: 50]. Десятилетие спустя историк науки А. Шарлин назовет Вебера «ведущим выразителем этой идеи» [Sharlin 1974: 337]. Уже в начале XXI века исследователь Х. Бруун также отмечает основополагающую роль свободы от оценок, без которой «от методологии Вебера мало что осталось бы» [Вгунн 2007: 11].

220

Вебер не снабжает читателя каким-то единым и окончательным определением утверждаемого им принципа. В докладе 1913 г. он ограничивается только характеристикой «оценки»: под ней следует понимать «“практическую” оценку доступного влиянию наших действий явления как достойного порицания или одобрения» [Вебер 1990е: 547]. Что касается «трезвости суждений», то тут Вебер кратко уточняет, что свободная от оценок наука, предоставляя специфическую критику мнений, целей и средств, необходимых для их достижения, может способствовать «обретению ясности» — доведению до сознания действующего, что его поведение сводится

---

логию о «Рошере и Книсе» (1903-1906 гг.), «Критические исследования в области логики наук о культуре» (1906 г.), критику вышедшей в 1906 г. книги Р. Штаммлера (1907 г.) и текст доклада 1913 г., переработанного и напечатанного в виде статьи «Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке» (1917 г.). К этому блоку работ необходимо также отнести лекцию Вебера «Наука как призвание и профессия» (1917 г.).

1 О собственной «программе» Вебер упоминает, в частности, в примечании к «Протестантской этике»: «Вместо предполагаемого вначале непосредственного продолжения работы в направлении предусмотренной нами программы я решил изложить сначала результаты моих сравнительных исследований в области всемирно-исторических связей между религией и обществом» [Вебер 1990d: 272]. «Программу» здесь можно определить как тематическое единство, которое Вебер, как минимум, планировал реализовать в собственных работах. Следует при этом отличать такую трактовку «программы» от так называемых «веберовской исследовательской программы» [Шлюхтер 2004: 25] и «парадигмы Вебера» [Швинн, Альберт 2017].

«в итоге к решению занять определенную ценностную позицию, а тем самым (что в наши дни особенно охотно не замечают), как правило, противостоять другим ценностям» [Вебер 1990с: 349].

Такая скупость оборачивается неопределенностью. Вебер говорит о свободе от ценностных суждений как о «чисто логическом принципе» [Вебер 1990е: 555], благодаря которому в социальных науках устанавливается граница между сущим и должным и достигается точность формулировок. В то же время вопрос «о свободе» является для него одним из первостепенных в «практической университетской политике» [Там же: 549], так как влияет на определение целей образования и смысла преподавательской деятельности. Выходит, что требование воздерживаться от ценностных суждений можно рассматривать не только как эпистемологическое, но и как практическое, даже «критическое орудие» [Turner, Factor 2006: 58] Вебера.

Как соотносятся два указанных контекста? Достаточно ли свободы от оценки самой по себе, чтобы гарантировать объективность науки? В каком именно смысле ее можно считать практическим или даже критическим инструментом, способствующим повышению «трезвости суждений» ученых? И что нового для их понимания может дать перевод небольшой газетной заметки Вебера, опубликованной в 1893 г.? Поиску ответов на поставленные вопросы и посвящена настоящая статья.

221

Попытка разобраться в них важна еще и потому, что все они в той или иной степени касаются проблемы обоснованности требования Вебера о различении факта и оценки. Если эта обоснованность отсутствует, то следует согласиться с Лео Штраусом, утверждающим, что теория ценностей Вебера и ее следствия сформулированы «под влиянием особого нравственного настроения», опираются только «на веру» и поэтому отражают не более чем «особенность его характера, которая не имеет никакого основания, кроме нерационального предпочтения “рационального самоопределения” и “интеллектуальной честности”» [Штраус 2007: 51-72]. Наоборот, обоснованность принципа «свободы» требует прояснения его теоретических и историко-культурных оснований.

### **Свобода от оценки как «логическое» требование: от необходимости к недостаточности и обратно**

Если рассматривать свободу от ценностных суждений как «чисто логическое», «чисто методологическое» [Давыдов 1998: 73] или даже просто «техническое» требование исследовательской техники, то неизбежно возникает вопрос: каков именно его функционал в эпистемологической модели социальных наук?

На первый взгляд, ответ очевиден. Требование «свободы» обнажает разную логическую природу фактических утверждений — с одной

стороны и личных точек зрения в форме оценки — с другой. Иными словами, оно позволяет разделить две гетерогенные группы проблем: установления эмпирических фактов и их практической оценки<sup>1</sup>.

Однако здесь же правомерно задать еще один вопрос: а достаточно ли эпистемологической силы одного только принципа «свободы», чтобы разграничение разнопорядковых групп проблем проводилось, во-первых, регулярно, во-вторых, успешно? Способен ли он в одиночку нейтрализовать влияние «человеческого фактора», «слабости», возникающей вследствие того, что ученым «ничто человеческое не чуждо» [Вебер 1990с: 350]? Требуется показать, как именно, а точнее — с помощью чего, проводится граница между фактами и оценками. Если для Вебера «объективность и свобода от ценностей отнюдь не тождественны» [Sharlin 1974: 338], то что тогда составляет материал, из которого строится демаркационная стена?

Прислушаемся к подсказке В. Шлюхтера. С его точки зрения, в методологических работах Вебер занимается решением «логико-методических проблем», причем «“логико” — относится к теории понятий» [Шлюхтер 2004: 29]. Получается, что нам следует обратить внимание на способ конструирования веберовских идеальных типов. И сделать это нужно с целью установить, являются ли они тем самым средством, которое защищает сферу научного теоретизирования от практических оценок?

Концепция «идеальных типов» возникает у Вебера как результат его участия в так называемом «споре о методах» между «исторической» и «теоретической» школами национальной экономики, лидерами которых на тот момент были, соответственно, Г. фон Шмоллер и К. Менгер. Спор касался не только методики, но и целей науки. «Историки» выступали за изучение экономических явлений в их все-

222

1 Источником идеи о принципиальной несовместимости «двух миров» для Вебера можно считать работы одного из основоположников Марбургской школы неокантианства — Ф. А. Ланге. Известно, например, что «Историю материализма и критику его знания в настоящее время», в которой философ подчеркивает разницу между чувственно воспринимаемым, описываемым с помощью каузальных априори «миром сущего» и «миром должного», содержащим человеческие идеалы и ценности, а потому выходящим за рамки простого чувственного восприятия, Вебер читает уже в начале своего студенчества в 1882 г, а через полтора года в письме отцу назовет ее «любимым чтением». Конечно, на формирование молодого Вебера оказывали влияние и другие представители раннего неокантианства — К. Фишер, А. Риль, Ф. Паульсен. Но неизбежная и абсолютная противонаправленность, логическая несовместимость «миров» действительного и желательного, причем «не только в научно-практическом отношении в смысле дихотомии “должного-сущего”, но и в фундаментальном философском, то есть эпистемологическом значении» [Jacobsen 1999: 12] — это то, что Вебер перенимает, по всей видимости, у Ланге.

объемлющем, «тотальном контексте», что неизбежно должно было привести к созданию «универсальной социальной науки». Для этого требовались кумулятивно накопленное знание и индуктивным образом сформулированные понятия, отражающие, как предполагалось, существующую объективную реальность. «Теоретики», напротив, считали, что эмпирическое многообразие мира невозможно «схватить» полностью, поэтому следует сосредоточиться на формулировке неизбежно «одномерных», но непротиворечивых, сконструированных «абстрагирующе-изолирующим» методом понятий [Hennis 2006].

Целью собственных логико-методологических разработок Вебер считал «увеличение силы и трезвости суждения» [Hennis 1994: 105]. Поэтому он в большей степени следует за «теоретической» школой<sup>1</sup> и похожим образом определяет идеальные типы как понятия, использующиеся для выявления отклонений реального протекания эмпирических событий и действий людей от их «идеального» содержания, а также причинного объяснения этих отклонений.

Обратимся теперь к анализу конструирования идеальных типов. Первым этапом их создания служит процедура «отнесения к ценности», когда определенный сегмент действительности выделяется из эмпирического многообразия и становится объектом исследования. Как известно, здесь Вебер в целом следует за своим приятелем и коллегой Г. Риккертом — одним из главных представителей Баденской школы неокантианства<sup>2</sup>. Для философа объективность отнесения к ценности и созданных в результате «исторических индивидуумов» гарантируется так называемым «логическим» или «трансцендентальным» доказательством объективности ценностей. Вебер же, принимая теорию ценностей философа только как инструмент логического устройства «наук о культуре», отказывается от этого доказательства и называет его «ценностной метафизикой» [Weber 2012a: 413]. Более того, так как «ценность» может подразумевать не только процедуру «отнесения» к ней, но и практическую оценку чего-либо, он предлагает использовать термин «познаватель-

- 1 При этом Вебер, конечно, не порывает с «исторической» школой, учеником которой является. Следуя традиции, он сохраняет внимание к проблемам культурной значимости, индивидуальных особенностей и смыслового содержания исследуемых явлений. Построения же Менгера Вебер использует частично и даже критикует последнего за так называемый «натуралистический предрассудок»: будто с помощью сконструированных понятий можно обнаружить «точные законы» социально-экономического развития.
- 2 Конечно, с некоторой оговоркой. Вебер заимствует скорее идею выделения объектов исследования, но не его логическое устройство. Подробнее об этом, например, в статье Г. Вагнера и Х. Ципприана [Wagner, Zipprian 1986: 37], где авторы показывают, что в вопросе отношений между логикой и онтологией Вебер ближе к идеям Э. Гуссерля, чем Г. Риккерта.

ный интерес», отражающий теоретический характер формирования исторических индивидуумов. Интересы, подчеркивает Вебер, не обладают каким-либо «абсолютным» статусом, но, напротив, подвержены социальной динамике. Но как в таком случае достигается объективность идеальных типов?

Роль познавательного интереса в образовании научных понятий раскрывается в двух последовательных операциях. Во-первых, в «актуальной оценке объекта», определяющей выбор темы исследований. Это во многом субъективное, «индивидуальное по своей природе, сложное “ощущение” и “воление”» [Вебер 1990а: 451]. Во-вторых, в «теоретико-интерпретативном размышлении о возможных отнесениях их [объектов] к ценности» [Там же]. Учеными определяется, с каких возможных «точек зрения» изучаемый объект может быть «значим» для исследования и какие именно его характеристики должны быть отражены в конструируемом идеальном типе. Так воление заменяется «“диалектическим” ценностным анализом» [Вебер 2012b: 79].

Далее, после отнесения эмпирического материала к ценности (интересу) следует его «мысленное усиление», осуществляющееся не произвольно, а с помощью того, что Вебер называет «номологическим знанием». Номологию он определяет как совокупность «известных эмпирических правил, в частности того, как люди обычно реагируют на данную ситуацию» [Вебер 1990а: 473]. Это опытное знание об окружающем мире, каузальных связях и «объективных возможностях» его развития на уровне не только законов природы, но и мира человеческой активности, закономерностей поведения [Вебер 1990с: 393, 377].

Устройство ценностной интерпретации и включение в процесс конструирования научных понятий номологического знания позволяют достичь той степени «нереальности» идеальных типов, которая служит «защитной стеной» для научных понятий и позволяет отделить теоретический интерес от практических суждений в форме оценок. Отсутствие критерия объективности ценностей, а также первоначальная субъективность процедуры отнесения к ним эмпирической действительности компенсируются «логической совершенностью» и «утопичностью» научных понятий. И даже если рациональным образом сформулированные идеальные типы и позволяют сравнивать с собой фактически протекающее событие или действие и поэтому оценивать их как более или менее «правильные» с логической точки зрения, то эти «оценка» и «правильность», очевидно, обладают научным, теоретическим, а не этическим характером. Как пишет Вебер, «полезные в чисто теоретической экономической науке фикции не могут служить основой практических оценок в реальности» [Вебер 1990е: 588].

Однако близкое и потому опасное отношение идеальных типов к оценкам не исчезает совсем. Вебер понимает это и уточняет, что если понятия, сконструированные идеально-типическим образом, исполь-

зуются не только в логическом, но и в практическом смысле, то в этот момент они функционируют не как конструкты, «в сравнении с которыми сопоставляется и измеряется действительность», а как «идеалы, с высоты которых о ней выносятся оценочное суждение» [Вебер 1990с: 398]. Речь, например, может идти о таком определении христианства, в сравнении с которым действительное положение церкви или веры будет оцениваться как неполноценное, несовершенно или даже неудовлетворительное. Единственное, что остается Веберу, чтобы идентифицировать собственно научные идеальные типы — это еще раз указать на их фундаментальные характеристики: логическое «совершенство» и *принципиальную индифферентность* к любому оцениванию. Ученым же следует вновь и вновь соотносить свои действия с требованием «свободы», что проявляется, прежде всего, в их интеллектуальной честности и во внимании к фактической стороне исследуемых проблем<sup>1</sup>.

Итак, веберовский принцип «свободы» как логическое требование является необходимым, но недостаточным условием объективности социальных наук. Он действительно нацелен на разделение гетерогенных сфер фактов и практических суждений. Но для реализации этого разделения на практике (исследовательской) ученые конструируют идеальные типы. «Чисто логической» следует считать процедуру отнесения к ценности как первый этап создания научных понятий. Однако затем оказывается невозможным обойтись без других инструментов логико-методического арсенала Вебера: ценностной интерпретации и номологического знания. Тем не менее, возведенная с их помощью «стена» не гарантирует абсолютной защиты от оценок. Внутреннего устройства идеальных типов оказывается недостаточно для сохранения объективности суждений, если они превращаются в логически совершенные, но все же практические «образцы». Поэтому требование «свободы от оценки» и личная готовность ученых следовать исключительно ценностям науки вновь становятся необходимыми и функционально значимыми.

Но почему проведение границы между фактами и оценками в принципе является желательным? Почему Вебер продолжал настойчиво призывать к его выполнению? В какой момент требова-

1 Историк науки С. Шейпин замечает это концептуальное напряжение и не упускает случая обратить его против самого Вебера. С его точки зрения, для описания современной «науки» и ситуации «расколдованного мира» ученый конструирует как раз идеальные типы-образцы, приводящие к оценкам. Последние Шейпин называет «прескрипциями» и выделяет две таковых у Вебера: во-первых, когда он описывает сложные условия академической жизни и пытается сделать ее более привлекательной с точки зрения ощущения «призвания», во-вторых, когда напрямую указывает, какими качествами должен обладать человек науки [Shapin 2019: 302].

ние «свободы» становится «культурно значимым»? Здесь перед нами возникает другое «измерение» свободы от оценки: на нее следует посмотреть как на элемент дискуссий об университетской политике.

### **Свобода от оценки как проблема «культуры»: моральная сила университетов и академическая свобода**

Чтение лекций, выступления на конференциях, бесчисленные комментарии в прессе — формы участия Вебера в обсуждении ценностей, задач и принципов функционирования академии были самыми разными, но его «педагогическая “позиция”» [Hennis 1994: 120] оставалась устойчивой и последовательной.

Поводом для наиболее активных действий послужило так называемое «дело Бернхарда» (“The Bernhard Case”). В 1908 г. 33-летний экономист Людвиг Бернхард был назначен профессором экономики в Берлинский университет. Утверждение в должности произошло в обход мнения профессорского состава, учитывать которое требовала университетская этика того времени. Действующие преподаватели, однако, были поставлены перед фактом, а некоторые из них узнали о назначении только из газет или общения с коллегами. Бернхард, одной стороны, был буквально навязан университету прусским министерством образования, с другой — он, зная академические традиции, не предпринял каких-либо действий, чтобы, как минимум, представиться будущим коллегам, как максимум — получить их предварительную поддержку.

Анализируя эту ситуацию, Вебер не осуждает Бернхарда. Хотя он и называет инцидент «скандальным», но тут же уточняет, что подобные скандалы стали «типичными» [Weber 2008h: 53] для многих крупных университетов Германии. Ему, как всегда, интереснее определить причины сложившегося положения дел. В качестве таковых он выделяет две.

Во-первых, стремление чиновников, занимающихся образованием, контролировать кадровую политику университетов. В 1898 г. в Пруссии был принят «закон Аронса»<sup>1</sup> (“Lex Arons”), оправдывающий необходимость надзора со стороны правительства за политическими (прежде всего — социал-демократическими) убеждениями преподавателей. Под воздействием в том числе этого

---

1 Лео Аронс (1860–1919) — физик, адъюнкт-профессор Берлинского университета, член Социал-демократической партии Германии. Министерство образования обвинило его в политической деятельности, однако университет встал на сторону Аронса. После этого инцидента и был принят упомянутый закон.

закона в университете Йены, например, было отказано в должности Роберту Михельсу. Причем не только за социалистические взгляды, но и потому что, как утверждалось, «мужчина, не крестивший своих детей, “немыслим” на каком-либо высоком посту» [Weber 2008g: 67].

Название системы управления университетами, выстроенной с помощью «закона Аронса», образовалось от фамилии одного из высших чиновников образования Германии на рубеже веков — Фридриха Альтхоффа<sup>1</sup>. Вебер критикует эту систему. Под его прицелом — методы и принципы работы с новыми и уже действующими профессорами. В частности: 1) прямое участие чиновников в университетских назначениях; 2) ангажированное взаимодействие со СМИ: продвижение «нужных» статей в газетах и журналах и даже публикация личной документации; 3) использование бюджетных средств в частных целях, например, дополнительная оплата лекций не самых лучших преподавателей, которых, тем не менее, рассматривали как «популярных подручных» [Weber 2008e: 121]; 4) практика «дополнительных» соглашений об отказе от других предложений в случае назначения или о принятии обязательств чтения курсов, не предусмотренных контрактом [Weber 2008d: 122]. Веберу «система Альтхоффа» напоминала «бизнес-соглашение», основывающееся на личной расположенности сторон друг к другу. А результатом ее развития в долгосрочной перспективе становилось только «неизбежное ослабление морального авторитета институтов» [Weber 2008h: 55], которые более не могли функционировать как «полноценные, равные и партнерские академические единицы» [Weber 2008a: 151]. «Система», по мнению Вебера, не соответствовала «культурному» предназначению университетов и не отвечала собственно научным интересам. Наоборот, выстраивалась последовательная форма зависимости ученых от чиновников. Патронаж кадров со стороны правительства способствовал появлению академических «дельцов (Geschäftsleute)» [Weber 2008h: 54], работающих на повышение политической лояльности университетов и получающих за это совсем не академические выгоды.

Второй причиной кризиса немецкой системы образования Вебер считает «слабости» самих ученых: недостаток интеллектуальной дисциплины, научной честности и сдержанности, желание дополнительных внеакадемических, но престижных наград и привилегий. Наконец, нескрываемая политическая ангажированность. Так, некоторые из участвовавших в обсуждении упомянутого случая с Михельсом действительно считали, что тот не заслуживает места в университете

1 Фридрих Альтхофф (1839–1908) — юрист, тайный советник в Министерстве просвещения Пруссии с 1882 по 1897 гг., с 1897 по 1907 гг. — заместитель министра и глава департамента университетов и высшего образования.

из-за социал-демократических убеждений. Некто даже задавался вопросом: «можно ли считать, что взрослый человек обладает умственной зрелостью, требующейся для профессии преподавателя, если он, несмотря на последние достижения в экономике, до сих пор считает себя марксистом?» [Josephson 2004: 209].

Вебер отказывается от формального тона дискуссии и подчеркивает, что вопрос университетской политики — «это проблема культуры» [Weber 2008b: 71], которая влияет на развитие Германии как «культурной нации» [Weber 2008g: 67]. Чтобы иметь с ней дело, требуется не очередная «техническая» реформа образования. Необходимо понять «дух образовательной бюрократии» [Weber 2008c: 108] и уточнить смысл «академической свободы».

Наиболее известное обсуждение вопросов университетской политики проходило в сентябре 1908 г. в городе Йена на Второй конференции немецких преподавателей высших учебных заведений. Ее результатом должна была стать резолюция об академической свободе, буквально по пунктам определяющая содержание последней. Дебаты получились сложными, и, как это было принято, продолжались в прессе, в немалой степени из-за позиции Вебера.

228

Председательствовал в Йене юрист Карл фон Амира. Предложенный им проект резолюции состоял из девяти пунктов. Внимания, по мнению Вебера, заслуживали три следующих из них положения: 1) при назначении на профессорскую должность предлагалось учитывать не только научные заслуги кандидата, но и степень его политической лояльности, а также религиозные взгляды; 2) лицо, получившее должность в университете, считалось государственным служащим, а потому не имело право на любой публичный протест против господствующего политического строя; 3) напротив, в стенах аудитории уже назначенный преподаватель получал «свободу выражения» и мог вести себя по своему усмотрению [Weber 2008b: 70]. Такая академическая свобода полностью контролировала «вход» в академическую среду и всегда могла, в случае политической неблагонадежности кандидата (например, если он социал-демократ), его закрыть. Но однажды вошедшему в пространство академии предоставлялась возможность говорить все, что заблагорассудится (например, открыто выступать против социал-демократии или даже с научным пафосом доказывать ее несостоятельность). П. Джозефсон называет такую конфигурацию «либеральной» [Josephson 2004: 210]. Но либерализм парадоксальным образом оборачивался консервацией, внутриуниверситетской политической стандартизацией, призванной, по мнению фон Амиры и его сторонников, не допустить политических радикалов (в первую очередь — левого толка) в высшую школу.

С точки зрения Вебера, это была двойная политизация. Сначала политические нормы определяли, кому позволено преподавать, за-

тем — они могли бесконтрольно транслироваться с кафедры. На это он заявляет: «Мы не желаем политического выслеживания ни с какой стороны; любой, кто этим занимается — негодяй» [Weber 2008f: 68].

В этот момент принцип свободы от оценок, предложенный Вебером, становится инструментом, с помощью которого он пытается пересобрать конструкцию академической свободы, следующую из резолюции фон Амиры. Двойная политизация требует двойной нейтрализации. Поэтому, во-первых, никакие внеаучные соображения и личные убеждения не должны ограничивать доступ кандидатов к профессорской должности, во-вторых — за кафедрой преподавателям необходимо строго различать собственные высказывания, относящиеся к эмпирическому или логическому анализу, и те, которые отражают их личные, мировоззренческие, политические или религиозные предпочтения. Максимальная свобода на «входе» уравнивается самоцензурой. Если позиция фон Амиры укладывается в схему: «не важно — как, важно — кто», то Вебер уточняет переменные в неравенстве: «не важно, кто (с политической точки зрения), важно — как (без оценок)».

### «Трезвость суждений» и независимость «личности»

229

Посмотрим теперь на дело с другого ракурса. Невыполнение принципа свободы от ценностных суждений угрожало не только внутреннему единству немецкой университетской системы<sup>1</sup>, но и самостоятельности, чувству истины и внутреннему достоинству профессоров. Вебер подчеркивает разницу между академическими «посредственностями» и теми, кто готов служить одному выбранному делу и действовать в модусе «призвания» — «личностями», обладающими «силой духа, чтобы продолжать гордую традицию академической солидарности и независимости по отношению к высшим властям» [Weber 2008h: 56].

Здесь, с нашей точки зрения, кроется еще один аспект свободы от оценки. Он связан с тем, что В. Хеннис назвал «центральным вопросом Макса Вебера», а именно — проблемой «развития человека (development of mankind)»<sup>2</sup> [Hennis 1983: 149]. Для его определения

1 Условно: если сегодня система образования выражает интересы государства (или, как минимум, сохраняет лояльность ему), потому что финансово от него зависит, то завтра, если платить будет кто-то другой или плательщиков станет несколько, мы будем наблюдать уже не единую систему, а набор отличающихся и не связанных друг с другом образовательных институций (либеральных, консервативных, социалистических, религиозных и т.д.).

2 С середины XIX в. немецкое «Menschentum» использовалось для выражения «качественного» познавательного интереса в изучении человеческой истории, прежде всего, в ее «культурном» измерении.

исследователь опирается на инаугурационную речь Вебера 1895 г., «Протестантскую этику», редактируемое Вебером «Методологическое введение в исследование Союзом социальной политики отбора и адаптации (выбора и рода занятий) рабочих крупных промышленных предприятий» 1908 г., работы 1908-1909 гг., посвященные психофизике трудящихся (тому, что сегодня можно было бы назвать изучением эргономики с социологической точки зрения<sup>1</sup>), а также «Предварительный доклад» к исследованию прессы, которое в 1910 г. планировалось провести под эгидой Немецкого социологического общества.

Действительно, уже в тексте «Национального государства» мы обнаруживаем пассажи о «выращивании» человека и о том, что экономическая наука участвует «в развитии «национальной породы» [Вебер 2003: 18]. Годом ранее, на заседании пятого «Евангелически-социального конгресса» во Франкфурте-на-Майне к числу того, что «мы хотим сохранить в нации» и что «представляется нам самым ценным в человеке», Вебер отнесет «ответственность перед собой» [Вебер 2007: 125]. А цель «Союза», в деятельности которого Вебер принимал активное участие, по определению председательствующего тогда Г. фон Шмоллера, состояла в «воспитании» представителей буржуазных классов, передачи им соответствующего образования. Значимость для Вебера проблемы «развития человека», полагает Хеннис, наиболее ясно прослеживается в «Протестантской этике» и «Хозяйственной этике мировых религий». В них Вебер подробно исследует процесс рационализации так называемого «ведения жизни», означающего, что человек «не просто «функционирует», ...но именно ведет свою жизнь, оформляет, направляет ее, придает совокупности действий некоторое осмысленное единство» [Вебер 2005: 55].

Мы не будем вступать в дискуссию по поводу того, является ли «развитие человека» действительно «центральным вопросом» Вебера или нет. Нам важно зафиксировать следующее: он использует это понятие и сопряженную с ним категорию «ведения жизни» для определения степени самостоятельности, последовательности и рациональности действий человека, уровня образованности, трезвости его суждений и обоснованности принимаемых им решений.

И разве не в этом ключе рассуждает Вебер, когда пишет о том, что свобода от ценностных суждений является одним из качеств «лич-

1 К веберовским работам о «психофизике», как правило, относят методологическую статью об «Исследовательской стратегии изучения профессиональной карьеры и моделей мобильности рабочих в крупной промышленности», текст, содержащий обзор специальной литературы по теме и исследование case-study «О психофизике промышленного труда», а также обзорную статью «О методологии анкетирования в социальной психологии».

ности» в науке, условием научной сдержанности, независимости и достоинства ученых как профессионалов и специалистов? Разве не о «качественной» составляющей современного человека идет речь, когда Вебер подчеркивает, что единственное, кроме знаний, что могут дать ему наука и образование — это никак не готовое мировоззрение, а «отчет в конечном смысле собственной деятельности» и что только в этом смысле наука может служить делу «самосознания»? [Вебер 1990b: 730–731]. Вряд ли поэтому Вебер, как никто другой знающий о влиянии науки на современное «ведение жизни», рассматривал свободу от оценок как рядовое «техническое» требование научной методологии.

При этом мы не хотим придавать принципу «свободы» какой-то излишне экзистенциальный оттенок. Вебер формулирует его как эмпирически ориентированный ученый и применяет на практике в том же амплуа. С 1890 по 1893 г. он принимает участие в двух крупных проектах по изучению развития трудовых, экономических, психологических и политических отношений в немецких восточных провинциях: по заданию «Союза социальной политики» (1890–1891 гг.) и в рамках деятельности «Евангелического социального конгресса» (1892–1893 гг.). Вебер анализирует опросные анкеты, источники земельных служб, использует материалы двух собственных диссертаций, а также данные, собранные во время военных сборов 1888 г. После первого этапа исследований он сосредоточенно работает над их методической составляющей и выдвигает ряд замечаний к качеству анкет, их распределению по исследуемым территориям, набору используемых переменных, количеству респондентов и способу их отбора. Одним из исправлений на втором этапе становится добавление в состав выборочной совокупности к уже опрашиваемым землевладельцам, крестьянам и рабочим еще и представителей духовенства. Однако тут же Вебер столкнулся с другой трудностью: сомнения вызывала «адекватность понимания духовенством сути актуальных социальных вопросов» [Ишпакова 2004: 72]. Священнослужители тесно взаимодействовали практически со всеми группами сельского населения, но часто оказывались неспособными объяснить прихожанам действительные причины условий их жизни. Необразованный священник, сталкиваясь с проблемами паствы и проявлениями ее борьбы за достойное существование, оставался «социально-политическим дилетантом», вел себя как «неопытный ребенок» [Weber 1893: 767]<sup>1</sup>, в то время как природа вещей требовала от него «полной трезвости суждений» и «понимания экономических предпосылок социальных явлений и трудностей» [Ibid.].

Поэтому летом 1893 г. в церковном журнале «Die christliche Welt» появляется небольшая заметка, в которой Вебер сообщает о предстоя-

<sup>1</sup> Полный перевод веберовской заметки см. в настоящем номере.

щих курсах в Берлине, организованных «Евангелическим социальным конгрессом». Их цель заключалась в качественной теоретической подготовке священнослужителей по ключевым социальным проблемам. Курсы отличались от занятий, организованных в Менхенгладбахе и Эльберфельде. Там, как пишет Вебер, лекции напоминали собрания людей с общими идеологическими установками, были направлены на защиту «христианского экономического порядка», искали точную теоретическую формулировку для «размежевания с социал-демократией не только в методах, но и в целях» и потому вознаграждались «бурными аплодисментами» [Ibid.: 766]. В Берлине участникам, напротив, придется столкнуться с «холодным скептицизмом» лекторов. Но это, уточняет Вебер, «заложено в сущности научного обсуждения данных предметов» [Ibid.: 767]. Задача, выражаясь на современный манер, состояла в повышении профессиональной квалификации слушателей. Поэтому курсы не могли транслировать личные убеждения преподавателей или какие-то частные картины мира. Требовались не готовые рецепты, а модели и способы постановки ясных и адекватных социально-экономических и политических вопросов. Последние могли быть сформулированы лишь при условии «определенного смирения» [Ibid.: 768], означающего, прежде всего, сдержанность в отношении оценочных суждений.

232

Вебер, конечно, не произносит здесь требование «свободы от оценки» напрямую. Однако его общий тон отчетливо слышен. Организацию занятий в Берлине, таким образом, можно рассматривать не просто как подготовку будущих респондентов для второго этапа исследований «аграрного вопроса», но как *один из первых шагов молодого Вебера в постановке проблем «трезвости суждений» и рационального «ведения жизни» современного человека*. В данном случае — ученых и священнослужителей.

## Вместо заключения

Мы не утверждаем, что свобода от оценок — самая главная или самая центральная «ставка» Вебера в науке. Нам важно указать на возможность расширить набор принятых и привычных для ее анализа текстов. Если воспользоваться этой возможностью, то, хотя бы в качестве гипотезы, можно сказать следующее: требование «осознанного самоконтроля» ученых, свободы от оценок и «трезвости суждений» — всего того, на что в большей или меньшей степени Вебер обращает внимание в речи 1895 г., в эссе «Об объективности», что неустанно артикулирует в дебатах об университетской политике, чему посвящает отдельный доклад 1913 г. и к чему снова возвращается в одной из последних публичных лекций 1917 г., — по существу уже наблюдается в небольшой газетной заметке 29-летнего

преподавателя в 1893 г. В этом смысле мы согласимся с В. Хеннисом, утверждающим, что «прямая линия соединяет молодого берлинского лектора в его стремлении дать слушателям возможность делать ясные и независимые суждения с Вебером последних лет, для которого продвижение “ясности” в отношении того, чего человек хочет, является “конечной целью” с научной точки зрения» [Hennis 1994: 120]. И линия эта растянулась практически на 30 лет.

Как замечает А. Ф. Филиппов, «более или менее хорошее знание несколько текстов Вебера — только одна его сторона», а другая сторона — это «представление о Вебере как социологе и его эволюции» [Филиппов 2020: 167–168]. Предлагаемый перевод небольшой веберовской заметки, с нашей точки зрения, можно считать еще одним шагом в ее прослеживании.

## Библиография / References

Вебер М. (1990а) Критические исследования в области логики наук о культуре. Ю. Н. Давыдов (ред.). *Макс Вебер. Избранные произведения*, М.: Прогресс: 416–494.

— Weber M. (1990a) Critical Studies in the Logic of the Cultural Sciences. Y. N. Davydov (ed.). *Max Weber. Collected Writings*, Moscow: Progress: 416–494. — in Russ.

Вебер М. (1990б) Наука как призвание и профессия. Ю. Н. Давыдов (ред.). *Макс Вебер. Избранные произведения*, М.: Прогресс: 707–735.

— Weber M. (1990b) Science as a Vocation and Profession. Y. N. Davydov (ed.). *Max Weber. Collected Writings*, Moscow: Progress: 707–735. — in Russ.

Вебер М. (1990в) «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. Ю. Н. Давыдов (ред.). *Макс Вебер. Избранные произведения*, М.: Прогресс: 345–415.

— Weber M. (1990c) The “Objectivity” of Knowledge in Social Science and Social Policy. Y. N. Davydov (ed.). *Max Weber. Collected Writings*, Moscow: Progress: 345–415. — in Russ.

Вебер М. (1990д) Протестантская этика и дух капитализма. Ю. Н. Давыдов (ред.). *Макс Вебер. Избранные произведения*, М.: Прогресс: 61–272.

— Weber M. (1990d) The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Y. N. Davydov (ed.). *Max Weber. Collected Writings*, Moscow: Progress: 61–272. — in Russ.

Вебер М. (1990е) Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке. Ю. Н. Давыдов (ред.). *Макс Вебер. Избранные произведения*, М.: Прогресс: 547–601.

— Weber M. (1990e) The Meaning of “Value Freedom” in the Sociological and Economic Sciences. Y. N. Davydov (ed.). *Max Weber. Collected Writings*, Moscow: Progress: 547–601. — in Russ.

Вебер М. (2003) Национальное государство и народнохозяйственная политика. Б. М. Скуратов (ред.). *Политические работы 1895–1919*, М.: Праксис: 7–39.

— Weber M. (2003) *The Nation State and Economic Policy*. В. М. Skuratov (ed.). *Political Writings 1895-1919*, Moscow: Praxis: 7-39. — in Russ.

Вебер М. (2005) *Хозяйство и общество*. Глава II: Основные социологические категории хозяйствования. *Экономическая социология*, 6 (1): 46-68.

— Weber M. (2005) *Economy and Society*. Chapter II: Basic Sociological Categories of Management. *Journal of Economic Sociology*, 6 (1): 46-68. — in Russ.

Вебер М. (2007) *Жизнь и творчество Макса Вебера*, М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

— Weber M. (2007) *Max Weber: A Biography*, Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN). — in Russ.

Давыдов Ю. Н. (1998) *Макс Вебер и современная теоретическая социология*. Актуальные проблемы веберовского социологического учения, М.: Мартис.

— Davydov Y. N. (1998) *Max Weber and Contemporary Theoretical Sociology*. Actual problems of Weber's sociological doctrine, Moscow: Martis. — in Russ.

Филиппов А. Ф. (2020) Макс Вебер в научной полемика. К публикации новых переводов. *Социология власти*, 32 (4): 167-179.

— Filippov A. F. (2020) Max Weber in Scientific Controversies. On the Occasion of New Translations. *Sociology of Power*, 32 (4): 167-179. — in Russ.

234

Фрайер Х. (2021) Социология как наука о действительности: логическое основоположение системы социологии. Введение. *Социологическое обозрение*, 20 (2): 290-299.

— Freyer H. (2021) *Sociology as a Science of Reality: A Logical Foundation for the System of Sociology*. Introduction. *Russian Sociological Review*, 20 (2): 290-299. — in Russ.

Швинн Т., Альберт Г. (2017) Старые понятия — новые проблемы: социология Макса Вебера в свете актуальных вызовов. *Социологическое обозрение*, 16 (2): 198-217.

— Schwinn T., Albert G. (2017) Old Concepts — New Problems: Max Weber's Sociology in the Light of Current Challenges. *Russian Sociological Review*, 16 (2): 198-217. — in Russ.

Шлюхтер В. (2004) Действие, порядок и культура: основные черты веберовской исследовательской программы. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 8 (2): 22-50.

— Schluchter W. (2004) Action, Order, and Culture: The Basic Features of the Weberian Research Program. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 8 (2): 22-50. — in Russ.

Шпакова Р. П. (2004) Макс Вебер: «Аграрный вопрос». *Журнал социологии и социальной антропологии*, 7 (2): 61-76.

— Shpakova R. P. (2004) Max Weber: "Agrarian Question". *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 7 (2): 61-76. — in Russ.

Штраусс Л. (2007) *Естественное право и история*, М.: Водолей Publishers.

— Strauss L. (2007) *Natural Right and History*, Moscow: Vodoley Publishers. — in Russ.

Ясперс К. (1994) Речь памяти Макса Вебера. С. Я. Левит (ред.). *Макс Вебер. Избранное. Образ общества*, М.: Юрист: 553–566

— Jaspers K. (1994) Speech in Memory of Max Weber. S.Ja. Levit (ed.). *Max Weber. Selected Papers. Image of Society*, Moscow: Lawyer: 553–566. — in Russ.

Bruun H. H. (2007) *Science, Values and Politics in Max Weber's Methodology*, Aldershot: Ashgate Publishing Limited.

Hennis W. (2006) A Science of Man: Max Weber and the Political Economy of the German Historical School. W. J. Mommsen, J. Osterhammel (eds.) *Max Weber and his Contemporaries*, Abingdon: Routledge: 25–58.

Hennis W. (1994) «Die volle Nüchtheit des Urteils». Max Weber zwischen Carl Menger und Gustav Schmoller. Zum hochschulpolitischen Hintergrund des Werturteilspostulats. Wagner G., Zipprian H. (Hrsg.). *Max Webers Wissenschaftslehre. Interpretation und Kritik*, Frankfurt/M: Suhrkamp: 105–146.

Hennis W. (1983) Max Weber's 'Central Question'. *Economy and Society*, 12 (2): 135–180.

Jacobsen B. (1999) *Max Weber und Friedrich Albert Lange: Rezeption und Innovation*, Wiesbaden: DUV, Dt. Univ.-Verl.

Josephson P. (2004) Lehrfreiheit, Lernfreiheit, Wertfreiheit: Max Weber and the University Teachers' Congress in Jena 1908. *Max Weber Studies*, 4 (2): 201–219.

Parsons T. (1965) Evaluation and Objectivity in Social Science: an Interpretation of Max Weber's Contribution. *International Social Science Journal*, 7 (1): 46–63.

235

Shapin S. (2019) Weber's Science as a Vocation: A moment in the history of "is" and "ought". *Journal of Classical Sociology*, 19 (3): 290–307.

Sharlin A. N. (1974) Max Weber and the Origins of the Idea of Value-Free Social Science. *European Journal of Sociology*, 15 (2): 337–353.

Turner S. P., Factor R. A. (2006) *Max Weber and Dispute Over Reason and Value. A Study of Philosophy, Ethics and Politics*, New York: Routledge.

Wagner G., Zipprian H. (1986) The Problem of Reference in Max Weber's Theory of Causal Explanation. *Human Studies*, 9 (1): 21–42.

Weber M. (2008a) A Catholic University in Salzburg. J. Dreijmanis (ed.) *Max Weber's Complete Writings on Academic and Political Vocations*, New York: Algora Publishing: 150–151.

Weber M. (2008b) Academic Freedom in the Universities. J. Dreijmanis (ed.) *Max Weber's Complete Writings on Academic and Political Vocations*, New York: Algora Publishing: 69–74.

Weber M. (2008c) An Opinion on the University Question. J. Dreijmanis (ed.) *Max Weber's Complete Writings on Academic and Political Vocations*, New York: Algora Publishing: 105–108.

Weber M. (1893) Die Evangelisch-sozialen Kurse in Berlin im Herbst dieses Jahres. *Die christliche Welt. Evangelisch-Lutherisches Gemeindeblatt für Gebildete aller Stände*, 7: 766–768.

Weber M. (2008d) Max Weber on the "Althoff System". J. Dreijmanis (ed.) *Max Weber's Complete Writings on Academic and Political Vocations*, New York: Algora Publishing: 122–125.

Weber M. (2008e) Professor Max Weber (Heidelberg) on his Speech at the German Higher Education Conference in Dresden. J. Dreijmanis (ed.) *Max Weber's Complete Writings on Academic and Political Vocations*, New York: Algora Publishing: 117-122.

Weber M. (2012a) "Rickert's 'values'" (The "Nervi Fragment"). H. H. Bruun, S. Whimster (eds.) *Max Weber. Collected Methodological Writings*, New York: Routledge: 413.

Weber M. (2012b) Roscher and Knies and the Logical Problems of Historical Economics. H. H. Bruun, S. Whimster (eds.) *Max Weber. Collected Methodological Writings*, New York: Routledge: 3-94.

Weber M. (2008f) Second German Conference of Teachers in Institutions of Higher Education. Extracts. J. Dreijmanis (ed.) *Max Weber's Complete Writings on Academic and Political Vocations*, New York: Algora Publishing: 68.

Weber M. (2008g) The Alleged "Academic Freedom" at German Universities. J. Dreijmanis (ed.) *Max Weber's Complete Writings on Academic and Political Vocations*, New York: Algora Publishing: 64-68.

Weber M. (2008h) The Bernhard Case. J. Dreijmanis (ed.) *Max Weber's Complete Writings on Academic and Political Vocations*, New York: Algora Publishing: 53-57.

236

**Рекомендация для цитирования:**

Пресняков И. В. (2021) Макс Вебер о «свободе от оценки» и «резвости суждений»: от моральной силы университетов к силе «личности». *Социология власти*, 33 (4): 217-236.

**For citations:**

Presnyakov I. V. (2021) Max Weber on "Freedom from Value Judgments" and "Sobriety of Judgments": From the Moral Strength of Universities to the Strength of "Personality". *Sociology of Power*, 33 (4): 217-236.

Поступила в редакцию: 30.08.2021; принята в печать: 20.10.2021

Received: 30.08.2021; Accepted for publication: 20.10.2021